

Завидное постоянство Ильи Глазунова

В Манеж на выставку Ильи Глазунова я не попал: не могу стоять в очередях. Длинный людской хвост опоясывал цоколь громадного, протянувшегося напротив Кремля здания. Казалось, что такое больше в Москве невозможно, казалось, что всем теперь не до выставок, не до искусства, не до живописи.

Не то меня поразило, что на открытие большой выставки прибыл мэр Москвы, спонсировавший это мероприятие, не то даже, что и президент нашел время, чтобы походить по Манежу, высказав при этом теплые слова главному виновнику торжества.

Удивили и порадовали очередь к картинам, толпы народа, споры, дискуссии, возникавшие в выставочном зале. И это в наше-то время, когда каждый печется только о себе. А потрясло то, что Глазунов в свои годы сохранил силу и мощь молодости, представил десятки новых картин, портретов, свидетельствующих о его поразительной работоспособности. И что самое восхитительное, так это то, что рядом с ним, соревнуясь с ним, фонтируют его соратники, преподаватели, ученики созданной им Академии художеств, представляющие не отдельные картины, но направление в живописи, которое можно определить не только классическим, национальным, но и глазуновским...

Глазунов еще раз доказал, что он современен, прпуплярен, значит, что не только мастер, но и талантливый учитель. Ну, а что печатать, газеты, телевидение? А то: этого художника средства массовой информации представляют народу в образе конъюнктурщика, ухитряющегося «из щит нести, и на кресте возложить», распротрагивающего вокруг себя «черную ауру», засевающего дурманом «гектары Глазунова»... Все взятое мною в кавычки содержалось в заголовках статей, выходивших в дни выставки в Манеже.

Все созданное художником, начиная с 1977 года, объявляется вне искусства, относится к области политики и психиатрии, к воспроизводству идеологических «фиг в кармане», к тасканию крупниц фактов со стола сильных мира сего. Самой большой такой фигурой в кармане является его опус «Мистерия XX века», якобы написанный... в 1986 году, значит, в эпоху перестройки и гласности, а стало быть, никакой смелости, никакого гражданского мужества не требовалось от художника, чтобы отклониться от канонического, официального образа Ильича и его верных соратников, продемонстрировать все, что сумел показать Глазунов в своем большом полотне.

Я хорошо помню, что эта «Мистерия», наделавшая когда-то очень много шума, которую художнику долгое время не позволяли показать народу, появилась задолго до 1986 года. В каталоге «Илья Глазунов», выпущенном по случаю последней выставки в Манеже, картина датируется 1977 годом. И это очень важно знать, потому что то было время самого что ни на есть густопогового застоя, шестидесятилетняя годовщина Великого Октября, когда Леонид Ильич еще не шамкал и вся большевистская рать стояла полная сил на стреме, отправляя в лагерь и психбольницы инуюмыслящих. Ни о какой гласности, ни о какой перестройке никто в Кремле и думать не смел. Страна строила полным ходом Олимпийские объекты, стадионы и дворцы спорта, обкомы и райкомы, соорудила Байкало-Амурскую магистраль и атомные станции, не подозревая о грядущем Чернобыле. Голос высланного за границу Александра Солженицына прорывался сквозь грохот глушилок в эфире, а его книги становились неопровержимыми вещественными доказательствами на любом суде, где любознательному тещу такой литературы грозило несколько лет лагерей.

Крупнейшие типографии страны тиражируют миллионными изданиями сочинения основателя партии и государства нового типа, книжные магазины завалены книжками, на обложках которых значится автор В.И. Ленин. Казалось бы, ленинизм торжествует во всем мире, не остается материка, разве что только Австралия, где бы не завелся новый режим, объявивший себя марксистско-ленинским, социалистическим. По все новым адресам корабли и самолеты доставляют из беднейшей страны братским партиям и народам топливо, сырье, продукты, которых не хватает на полках отечественных магазинов...

Кажется, я все важное напомнил, что происходило в благостном для КПСС и СССР уже далеком году. И вот как раз тогда в Москве в Калашном переулке на вершине американизированного под небоскреб жилого дома, в мастерской Глазунова появляется «Мистерия XX века». Ее художник показывает друзьям и многочисленным знакомым, иностранцам и советским журналистам. Первые пишут о ней восторженные статьи, вторые рта не могут раскрыть, ни слова сказать о ней.

Не потому, что остерегались глазуновской «фиги в кармане», а потому что то была никакая не потаенная фигура, фигура из трех пальцев в штанах, а самый что ни на есть кулак, которым Глазунов ударил так громко, что его услышали не только в Москве, но

во всем мире. Напомню тем, кто не видел эту картину, о чем в ней шла речь. В левом нижнем углу художник изобразил самого себя молодым, вмонтировав в полотно натуральное овальное зеркало: таким образом каждый зритель не только видел свое отраже-

ние, но и становился соучастником разыгранной живописцем мистерии, где действующими лицами выступали многие известные персонажи, заявившие о себе в XX веке. В центре полотна возлежал в море крови великий Сталин. После XX съезда партии это было небольшое откровение, но все дело в том, что к 1977 году образ великого вождя стараниями партийных идеологов перестал быть кроваво-красным, а представлял на экранах кино, ТВ, в книгах мудрым руководителем, верным ленинцем, несколько погорячившимся в годы «большого террора», на что были объективные обстоятельства.

Ну, а изобразить Московский Кремль черным в кровавом зареве, представить вздымающего руку Ильича над огнем и красными потоками, показать Николая II с убиенным царевичем на руках, падающую колокольню Ивана Великого, не выдержавшую такого насилия, которое обрушили на страну предшественники, а кто это мог тогда, в 1977 году?!

Надо ли говорить, сколько образов Ленина насоздавали к 1977 году по зову сердца и по заказу советской власти, министерств культуры всех союзных республик, на средства профсоюзов и всех мыслимых казенных и общественных организаций. Литейные заводы наладили выпуск бронзовых, чугунных, гипсовых фигур нашего вождя, художники изобразили его бесчисленное количество раз, иллюстрируя факты биографии, где жизнь Владимира Ильича прослеживалась по часам и дням.

И вот в разгар такой кампании, в эпоху обожествления Ленина, когда тысячи ученых всех гуманитарных специальностей, художники всех жанров вдальблывали в головы народа мысль, что он самый генеральный мыслитель всех времен и народов, направивший Россию и следом за ней народы всех стран по единственно верному пути к социализму и коммунизму, в столице страны победившего развитого социализма неожиданно для власти появляется грандиозная по масштабу картина, где любимый вождь и учитель предстает с кроваво-красным лицом. Точно такое же кровавое лицо и у расположившегося у ног Ильича железного Феликса. По всей вероятности, художник писал образ Ленина, используя в качестве натуры фотографию Г.П. Гольдштейна, сделанную 1 мая 1919 года на Красной площади, когда вождь произнес речь с Лобного места по случаю открытия памятника Степану Разину. Левая ладонь зажата в кулак; правая ладонь выброшена вперед, высь, указывает массам путь; распхнутый кургузый пиджачок; флажок на лацкане пиджачка; мешковатые брюки... Но в отличие от черно-белой фотографии флажок у Глазунова красный, и галстук красный, и лицо, ладонь, кулак - красные, и стоит он с закрытыми, как у покойника, глазами на постаменте из крови и огня.

Мог ли такой образ Ленина в 1977 году, а не в 1986 году, создать конъюнктурщик, держащий нос по ветру и улавливающий новейшие либеральные веяния в верхах, отливая их в примитивные формы, доступные массам?

За такой образ Ленина посадить тогда знаменитого художника, писавшего с натуры королей и премьеров, конечно, уже большевики не могли. Но по носу ему стукнули, картину показать на выставке не позволили. Глазунов был одним из первых, а может, и первым художником, который снял с Ленина белые одежды и надел на него костюм палача.

Но это еще далеко не все, что рискнул показать на своей картине Илья Глазунов. Молодой Маяковский, губами сжимающий кончик свисающей папиросы, кулаком сжимающий пистолет, нацеленный в зрителя, задолго до Глазунова сочинил свою революционную «Мистерию-буфф», изобразив в ней семь пар чистых и семь пар нечистых, чертей, интеллигенцию, даму с картонками, человека будущего и «молот», «серп», «машины» и прочие, по его словам, «действующие Земли обетованной».

Глазунов воздал свою «Мистерию XX века» во второй его половине, когда для него

исход вековой борьбы между чистыми и нечистыми, между красноармейцем, фонарщиком, батраком, с одной стороны, и российским спекулянтом, попом, американцем и другими персонажами исторического противостояния был ясен, может быть, и не до конца. Но

свою позицию, место свое на баррикадах, что ли, он выбрал, симпатии, пристрастие свое определил, как теперь говорят, однозначно.

Глазунов рядом с собой на картине, в своем углу представил императора в мундире полковника российской армии, премьер-министра царской России Петра Столыпина, убитого террористом, Льва Толстого, успевшего пожить в двадцатом веке десять лет. Ну, а в качестве родного ему «действующего Земли обетованной» изобразил порушенный герб, двуглавого орла с короной и образом Георгия Победоносца.

А в правом углу полотна на главных действующих лиц, вождей, диктаторов черных - Гитлера и Муссолини, диктаторов красных - Мао и Фиделя, на премьеров, президентов, королей рока и джаза смотрит скорбный Александр Исаевич, поповый в мистерию вместе с Матреной. Ну и что из этого, может кто-нибудь подумать, зная, что совсем недавно Москва торжественно встречала Солженицына на Ярославском вокзале, куда он прикатил, проследовав с триумфом через всю Россию. Но кто в 1977 году мог публично в Москве представить изгнанного из страны государственного преступника в образе праведника и страдальца, так сказать, положительного героя? Его имя вычеркивалось из любой статьи, любой книги, если только вслед за этим не клеймилось это имя самыми гневными, уничижительными словами. А Глазунов посмел показать Солженицына не только своим союзником, героем! Мог ли решиться на такой шаг конъюнктурщик, зная наперед, что власть ненавидит этого человека, который обрушивал из-за кордона тяжелые снаряды на голову засевших в Кремле и на Старой площади коммунистов, разрушая краугольные камни советской власти. Один из таких снарядов выпустил в ту же сторону и Илья Глазунов, когда создал свою «Мистерию XX века» и начал показывать ее многочисленным почитателям и посетителям своей мастерской. Я убежден, что этот его поступок Россия никогда не забудет, именно за такие поступки признал его народ, опоясывавший громадное здание Манежа колымагами очередей.

Я уже упоминал, что самая знаменитая картина Глазунова датируется 1977 годом. К тому времени мировоззрение художника выкристаллизовалось в художественных, только ему свойственных формах. Он представлял пред всеми открыто как явный монархист, как верующий, православный христианин. Выше

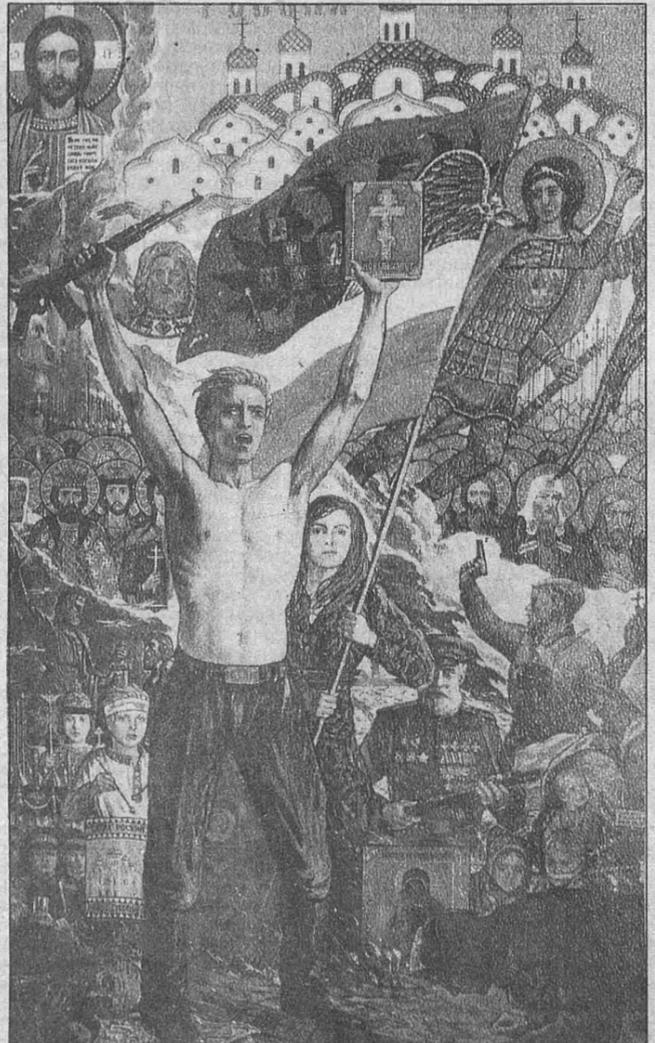
всех «чистых» и «нечистых» поднял он в небо Христа, парящего выше папы римского, выше крылатой Ники, оказавшихся за колючей проволокой. И когда Глазунов заявляет: «Таким я был всегда!», - то я ему верю, не сомневаюсь не только в искренности, но и в правдивости его слов. Потому что такие свои взгляды он в большей или меньшей степени выражал и в картинах более ранних, неказенные свои идеи не боялся выразить на знаменитом собрании советской интеллигенции, пригласенный к главному тогда идеологу товарищу Ильичеву, в год, когда на застолье в правительственном доме на Воробьевых горах стучал в очередную раз кулаком дорогой наш Никита Сергеевич.

Спустя тринадцать лет Глазунов создаст еще одну большую картину, еще одну «мистерию», где поместит на полотне все тех же уже известных нам своих героев и многих других, но выдержанную не в темных, черных, бордовых тонах, а в светлых. Она датируется 1990 годом и называется «Великий эксперимент». С первого взгляда на нее видишь, что художник развивает свои взгляды, идеи, что угнездились в его голове за тридцать лет до развала Советского Союза и нашей Коммунистической партии. Ильич представлен на этом полотне раз десять: с кепкой и без, в гриме, читающим «Правду» и выступающим с трибуны, глядящим кошку и позирующим в фас и профиль торемному фотографу, попав в питерскую каталажку. А впервые введенный Глазуновым задолго до всех в художественный оборот Петр Столыпин представлен в окружении многих других российских исторических персонажей. И император фигурирует не единожды с семьей: дочерьми и женой, наследником.

А выше всех, над мавзолеем с вождями, над лозунгами и плакатами, толпами народа и лицами героев и антигероев - лик плачущего кровавыми слезами Христа. Но света, света много! В левом верхнем углу голубеет бездонное небо с летящими над белым храмом Христа Спасителя белыми, как лебеди, облаками, парящими над залитым солнцем Кремлем и толпами народа, внимающего колокольному звону.

Картина писалась Глазуновым, который предчувствовал скорый конец «великого эксперимента», и эта вера высветила картину, дала ему новые силы и яркие краски, которых так не хватало в семидесятые годы, когда создавалась «Мистерия XX века». Никакой конъюнктуры нет и в «Великом эксперименте», а есть верность заявленной первой теме, есть движение и развитие в заданном самом себе направлении.

Как видим, не нуждался никогда Глазунов в том, чтобы ходить в чьи-то кабинеты за мыслями и темами своих картин, чтобы потом вовремя выбросить их на рынок. Задолго до вышедшей в этом году капитальной «Антиленинианы», я имею в виду двухтомную монографию генерала и ученого Волконогова, Илья Сергеевич начал борьбу с «красными дьяволятами» и главным их вождем. И в том, что монумент Дзержинского на Лубянке низвергли, есть большая заслуга именно этого художника, а не авторов антиглазуновских памфлетов. Этой разрушительной работой он занимается десятки лет, и свидетельствуют в его пользу картины, которым сегодня модно отказывать в праве на принадлежность к высокому искусству.

на прошедшей недавно выставке картине «Россия, проснись!». На ней нет больше вождей, отыгравших окончательно свои роли, много святых, детей, перенесенный на полотно с известной фотографии политрук с наганом в высоко поднятой руке, улекаящийся за собой солдат в атаку. В центре картины - обнаженный по пояс солдат с автоматом и Новым Заветом в высоко поднятых руках, девушка в камуфляже, крепко сжимающая древко с бело-сине-красным флагом, ставшим с недавних пор нашим национальным флагом снова, как это было в прошлом, до революции.

Я не разделяю взгляды Глазунова на будущее, не связываю его ни с монархией, ни с православием, будучи, как мне кажется, демократом и убежденным атеистом. Но то, что страну срочно нужно спасти от навалившихся на нее напастей, что при этом нужно полагаться не только на силу убеждения, на вразумление, но и на силу оружия, на автоматы и на прочие средства обороны - глубоко убежден. Не применяя решительные меры, силу, мы не очистим Москву от захватывающих ее криминальных группировок, правящих бал на улицах.

Поэтому появляется в его картине указатель-стрела, на которой написаны слова: «Русские - вон из России!». Ему могут сказать: не было таких стрел, никто так не говорил. Но разве призы: «Чемодан-вокзал-Россия!», - не те же самые слова? Когда переименовываю основанные русскими города, закрывают русские школы, вынуждают русских бежать из сел и городов, где они жили десятки, сотни лет, разве это не основание для художника громко кричать: «Россия, проснись!». В основном российский императрицей городе Екатеринославе, где почти все говорят и думают по-русски, в газетных киосках свободно торгуют газетой с постоянным призывом «Украина - для украинцев!». Все же знают, что это бывший новороссийский край, но никаких протестов ни против таких призывов, ни против всех прочих национал-демократических, фашистских акций новых властей суверенных соседей официально Москва не делает, вынуждая художника звать к сопротивлению новому нацизму.

Глазунова тшатся представить неким черносотенцем, чуть ли не фашистом. Надпись на пряжке у зовущего к бою полубогажженного солдата «С нами Бог!» дала уже упомянутому автору статьи шаткое основание утверждать, что якобы художник позимствовал лозунг у фашистов, поскольку на пряжках эсэсовцев значились эти же слова. Но это вымысел. Точно такие же слова Глазунов увидел на амуниции российских солдат царской армии. И не приезжал он в Манеж под охраной боевиков «Памяти» в черных рубашках.

И черные мундиры ставят в упрек художнику. Но и это вымысел, потому что никакой охраны у него не было. Приверженцы «Памяти» появились на выставке по собственному желанию, никто их персонально не приглашал, как не приглашался и Владимир Вольфович, также побывавший в Манеже, более того, даже выступавший перед посетителями. Но ни ему, ни кому бы то ни было другому путь в Манеж не был закрыт.

Я полистал большие страницы двух альбомов с записями посетителя, подавляющая часть которых выражает свои добрые чувства по отношению к художнику, как водится на выставках, признается ему в любви, желает успехов и так далее. Я не буду в доказательство высказанных мною суждений цитировать эти записи. Но не могу не отметить, что в числе друзей, поклонников, сторонников Глазунова выступают два известных всем демократа, оставивших свои автографы. Один из них написал так:

«Дорогой Илья Сергеевич!

Сделан еще один огромный шаг в развитии и спасении русской культуры».

Второй оставил более пространную запись, обратившись персонально к Глазунову, выразив ему признательность за возможность «увидеть все то новое, что вы создали за последнее время. Но особенно рад тому, что идея академии стала счастливо видима в картинах. Давайте и дальше помнить, что бессмертие человечества только в культуре и ни в чем больше».

Кто же эти посетители, признавшие в нем большого мастера, двигающего вперед своим творчеством не только живопись, но и всю русскую культуру? Кто эти демократы, не разглагольствующие в его картинах никакого фашизма, никакого черносотенства?

Первый подписался - **Гавриил Попов**.

Второй - **А.Яковлев**. Он пригласил преподавателей академии художеств, основанной в Москве Глазуновым, выступить по ТВ, поскольку возглавляет телевидение, а прежде был членом Политбюро, вдохновителем перестройки, который предупредил страну о рвущейся к власти шпане.

Ну, а третий его сторонником предстал на выставке президент демократической России. Сказанные им слова всем известны.

Лев КОЛОДНЫЙ.